

БЫЛИНЫ НОВОЙ ЗАПИСИ

(Тексты новой записи взяты из архива Карельского научно-исследовательского института культуры. Былины записаны в 1932 г.

Добрыня и Алеша

Как во славном во городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира.
Ласковой князь стольне-киевской
В одну пору в одно времячко
Завел он славный честный пир,
Пригласил князей и бояринов,
Русьских могучиих богатырей,
Пригласил к себе полениц удалых,
Пригласил к себе он на славный пир.

10. Все ко пиру съезжались,
Все на пир прибирались,
Все на пиру разгулялись,
Все на пиру принапились,
Сделались все на хмельном разуме,
Все тогда порасхвастались.
Умной хвастал житьем своим,
Безумной богатством,
Иной — цветным платьицом,
Который — добрым конем.
20. Юн-то Степанович — своей удачей,
Олешенька Попович — своей смелостью,
Щурилушко Щеплекович — наречией.
Хвастал Василий свет Буслаевич:
«У меня теперь, у доброго у молодца,
Куньи шубоньки висят не ношены,
Добры комони стоят не езжены,
Золотой казны теперь у нас сметы нет».

253

- А один только свет Добрыня Никитьевич,
Только один ничем не выхвастал.
30. Говорил тогда князь стольней-киевской,
Говорил таковы слова:
«Вот все у меня теперь расхвастались,
А один Добрыня свет Никитьевич
Ничем не хвастает.
А что же ты ничем не хвастаешь?»
Отвечал в ответ Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, ласковый князь, красно солнышко,
Я осмелюсь слово вымолвить.
Мни вот нечим теперь выхвастывать:
40. Нету ни имения, ни богатства,
Ни без счету золотой казны,
Только есть одна по нраву молодая жена,

- Молода́ жена, любима́ семья,
Любима семья, Настасья свет Никулична».
В тую пору, в тое времячко,
В тот даже честный пир,
Они думали промеж себя, придумали,
И скорешенько они тогда раздумали.
Говорили князю Владимиру:
50. «У нас есть в чистом поли́ теперь наездники,
Ищут себе поединщиков,
Нам некого теперь туда отправить
Окромя Добрыни свет Никитьевича.
У Добрынюшки есть силушка великая,
У Добрынюшки лошадушка звериная,
Может очистятся широкие дороженьки,
Чтобы смело нам в удел выезжать будет».
Тут скорешенько придумали
Да назначили Добрыню тутка за́ставой.
60. Говорит тут князь стольне-киевской,
Говорит Добрыне свет Никитичу:
«Ай же ты, Добрыня свет Никитьевич,
Отправляйся ты теперь на за́ставу,
Очищай-ка все широкие дороженьки,
Чтоб смело нам выезживать было́,
Отправляйся, брат, немедленно,
Не надолго поезжай — на двенадцать лет».
Становился Добрыня свет Никитьевич,
Становился на грядень на столовую.
70. Содражали у ево да белы рученьки,

Подрезало ево за ножки резвые,
Поблекло у ево да личко белое,
Кресты полагал по-писа́ному,
Поклоны провел по-ученому
На вси четыре сторо́нушки,
Князю Владимиру в особину.
Отправился со пиру со че́стнова,
Выходил со терема высокого,
Со той со палаты белокаменной.
80. По лестницам идет — слезно плачется,
По дверям — сам крестится.
Приходил ко тому двору широкому,
Приходил ко своему уж двору широкому,
Ко своей палаты белокаменной,
Не зашел в палату свою каменну,

- Не являлся во высок терём,
А зашел прямо во стойло лошадиная.
Золоту сбрую брал со стопочки,
Шелкову плетку брал со гвоздика,
90. Коня доброго со стойлов лошадиных.
В ту пору, в тое времячко,
Когда шел Добрынюшка Никитьевич
Со пиру со честного,
Тут сидела Настасья Никулична
И смотрела сквозь хрустальнее стеколушко.
Тут видала: Добрынюшка из пиру проходится.
Говорила Настасья Никулична:
«Как пошел-то наш добрый мо́лодец,
Он из пиру прошел видать из честного,
100. Что-то из пиру невесел прошел,
Невесел, видать, нера́достен:
Приклонивши ево младá головушка,
Утопивши очи ясные во матушку сыру́ землю,
Изменивши у ево личко белое».
Говорит Настасья Никулична:
«А где же он провожается,
К нам что-то во терём не является.
Бежи-ко скоро на широкий двор,
Уж он где там продолжается?»
110. Тут бежала Офимья Александровна,
Скорешенько бежала на широкий двор,
Увидала своего чада милого,
Чада милого, дитя любимого.

255

- Он уздает, седдает коня доброго:
Полагает войлуки мягкие,
Да на войлуки седлушко циркальское,
Он затягивал затяженьки шелко́вые,
Застегает тяжечки злаченые;
Затяженьки-то тянутся не со́рвутся,
120. А пряжечки от дождика ни ожавиют.
Подходит тут родитель к ему маминька,
Говорила ему таковы слова:
«Ай же ты, мое чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Что из пиру невесел пришел,
Невесел пришел, нерадостен?
Или место тебе было не́ по чину,
Или чарой-то тебя приобноси́ли там,

- Ли какая ни собака приобла́яла,
130. А, наконец, куды теперь отправляешься,
К нам во терем сегодня не являешься?
Там скучает, ждет Настасья свет Никулична».
Тут Добрынюшка-то с мамынькой говаривал,
А своей тогда родители высказывал:
«Ты не спрашивай, родитель, моя маменька,
Ты не спрашивай меня теперь, не выведывай,
Не давай мне великою надзѳлушки,
Моему теперь ретивому сердечушку.
Уж как ты меня несчастного спорѳдила,
140. Зародила ты на свет меня несчастного,
Спородила неталанного,
Спородила-то несмелого;
А зародила бы, родитель, меня, маменька,
Уж удачью во Юкова бы Степанова,
Уж смелостью в Олешу бы Поповича,
А по наречию в Щурило бы Шиленкова.
Уж ты лучше бы меня да не роди́ла бы,
Ты в сыром дубу меня заморила бы,
На синем море меня бы затопила бы;
150. Уж я лучше бы и не ро́жен был,
Уж я лучше бы и не рощен был,
Уж я лучше бы молодец и не женѳн был,
А всего лучше бы на пир не приглашенный был.
Вот был я на пиру теперь на честном:
Место хоть было мне по́чину,
Чарой меня не обносили там,

256

- А никакая собака ни облаяла.
Вот вси на пиру стали хмельны, веселы,
Вси на пиру расхвастались.
160. У меня-то у добра мо́лодца
Нехватило ума разума в головушке
На малый на единый час:
Я-то с глупа разума повыхвастал,
Я похвастал только своей молодой женой,
Молодой женой, любимой семьей,
Любимой семьей Настасьей свет Никуличной.
Рассердились русские богатыри
На меня-то на доброга на мо́лодца;
Насказали они князю да Владимиру
170. И назначили меня теперь на заставу».
Тут с мамынькой они пораспрошались,

- Горькими слезами обливались.
«Поди скажи Настасье Никуличной,
Если хочет увидеть, пускай сейчас придет,
А не хочет увидеть, пускай к окну нейдет».
Тут бежала Офимья Александровна
Скорешенько в высок терем,
Говорила Настасье Никуличной:
«Ах же ты, Настасья свет Никулична!
180. Сидишь в высоком в злаченое во тереме,
Над собой невзгодушку не ведаешь:
Уезжает от нас добрый мо́лодец,
Уж он седлает коня доброго.
Поди выпрашивай его, выведывай,
Нам когда его ждать, когда в окошечко поглядывать».
Бежала Настасья свет Никулична,
Скорёшенько бежала на широкий двор,
Увидала там Добрыню Никитыча:
Он сидит на добром коне.
190. Подбегала она к нему скорешенько,
Забегала с лица да боку правого,
От той ли от правой стреминочки,
Смотрела на него прямешенько,
Говорила она ему милешенько:
«Ай же ты, Добрыня Никитьевич,
Что же к нам во терем сегодня не являешься,
Наконец, куда теперь отправляешься?
Нам когда ждать тебя домой,
Когда в окошечко посматривать?».
200. Тут сидел в тую пору в тое времячко,
Сидел Добрыня на добром коне,
Шелковой плеткой частенько помахивал,
С молодой женой тогда да разговаривал:
«Ай же ты, моя молода жена, любима́ семья,
А Настасья свет Никулична!
Когда про то же стала выпрашивать,
Так я про то буду́ высказывать.
Уезжаю я на за́ставу,
Не надолго уезжаю, на двенадцать лет,
210. Буду я там на за́ставы.
Уж ты год не жди, да и другой не жди,
На третий год в окошечко не взглядывай.
Как буду я там на за́ставы,
Приезжать будут гости к вам немилые,

- Привозить будут вести нехорошие,
Частешенько будут к вам поезживать,
Близешенько будут к вам подхаживать,
В очах будут обманывать,
Замуж тебя будут подсватывать.
220. Ты не верь, Настасья Никулична,
Ни князьям, ни бояринам,
Ни могучим богатырям.
А как не приду если я из чиста́ поля
На исходе буде времени двенадцать лет,
Ты частенько в зеленый сад похаживай,
На кудрявы деревиночки посматривай:
Как прилетит голубь со голубкою,
С куста на куст будут перелетывать,
Промеж собой будут возгуркивать,
230. Что нет жива Добрыни Никитыча,
Отрублена буйная головушка;
Он головушкой лежит под ракинов куст,
Резвыми ногами ко Пущай-реке,
Сквозь желтые кудерышки трава растет.
Ты потом, моя Настасья свет Никулична,
Хоть вдовой живи, хоть замуж поди,
Хоть за князей поди, хоть за бояринов,
Хоть за могучих богатырей,
Только не ходи за смелого Олешу Поповича,
240. За женского надсмешника».
Тут у Настасьи Никуличной
Подрезались у ней ножки резвые,
- Задрожали ручки белые,
Изменилось у ней личко белое,
Помутился свет во ясных оченьках,
Не могла стоять на резвых на ноженьках,
Тут упала о матушку сыру землю.
Приклонился тут Добрыня свет Никитьевич,
Тут прощались они да с молодой женой,
250. Горькими слезами обливались.
Она видала Добрынюшку сядучи,
Не видала со широкого двора поедучи:
Ни воротами поехал он широкими,
Он скочил через стену городовую.
Отправлялся Добрыня в чисто поле,
По широкой поехал по дороженьке.

- От его пошли поездки богатырские,
От коня пошли поступки лошадиные,
В чистом поле только пыль столбом стоит;
260. Тут уехал Добрынюшка на заставу.
А неделя за неделю быдто дождь дождит,
Месяцы идут, как ручей бежит,
А годики идут, как река шумит.
Прошло тому времечки три года,
Не видно Добрыни из чиста́ поля.
Приходила тут родитель его маменька,
Приходила ко князю ко Владимиру;
Тут не белая березка к земле клонится,
Не сучечки ко земли да приклоняются,
270. Не листочки по земли расстилаются:
Поклоняется родитель его маменька,
Низко-низко поклоняется,
Горько-тошно она покоряется,
Покоряется князю Владимиру:
«Ай же ты, князь, наше красно солнышко,
Зачим вы отправили моего сына любимого,
Зачим вы справили надолго туда на за́ставу
Одного невинного его и беспричинного?
В этой горькой-то вины вы простите-ко,
280. Со за́ставы воротите-ко».
Отвечал князь стольне-киевской:
«Приказанье им исполнять надо».
И пошла от князя, горько-тошно заплакала.
Уж прошло тому времечки шесть годов,
Не видно Добрыни из чиста́ поля.
- Говорит князь стольне-киевский
Могучим богатырям:
«Кто желает съездить в чисто́ поле,
Кто желает о Добрыне Никитыиче узнать,
290. Есть ли, жив ли Добрыня Никитыич или нет?»
Пожелал тогда Олеша свет Попович
Съездить в чисто́ поле.
Видел, не видел Добрынюшку,
Говорит князю Владимиру,
Что нет жива Добрыни Никитыича,
Отрублена его буйна головушка;
Он головушкой ле́жит под ракивов куст,

- Резвыми ногами ко Пущай-реки,
Сквозь желтые кудерышки трава растет.
300. Говорит князь стольне-киевской:
«Поди съезди к Офимье Александровне
И к Настасье Никуличне,
Скажи, что нет жива Добрыни Никитыча,
Пусть не ждут и в окошечко не поглядяют».
Без доклада заезжал Олеша на широкий двор,
Ни воротами проехал широкими:
Скочил через стену городобую,
Слезал со добра коня,
Привязал коня ко тому столбу́ ко точеному,
310. Ко тому кольцу золоченому,
Без дологи явился во высок терем.
Становился на гридень на столовую,
Крест положил по-писаному,
Поклоны провел по-ученому.
Настасья тут Никулична дома не случиласи,
Одна его случилася родима матушка,
Пожита вдова Офимья Александровна.
Говорил Олеша таковы слова:
«А нет жива Добрыни Никитыча,
320. Отрублена его буйна головушка;
Он головушкой лежит под ракивов куст,
Резвыми ногами ко Пущай-реки,
Сквозь желтые кудерышки трава растет».
Тут его родитель матушка
Горько-тошно порасту́жилась.
Неделя за неделю, как дождь дождит,
Месяца идут, как ручей бежит,
А год за год, как река шумит.

260

- Прошло уж тому времячки девять лет,
330. Не видно Добрыни из чиста́ поля.
Тут стал частешенько Олеша поезживать,
Стал близешенько к Настасье подхаживать,
Стал милешенько с ней разговаривать,
И в очах да стал обманывать,
Замуж стал ее посватывать.
Как прошло тому времячки девять лет,
Не видно Добрыни из чиста́ поля.
Тут приехал князь со княгинею
Со Опраксией Никуличной,
340. Приехал с нима Олеша свет Попович,

- Приехали сватать Настасью свет Никуличну.
С докладом заезжали, привязали коней
Ко тым кольцам ко золоченым,
Зашли они в палату белокаменну,
Явились во высок терем.
Раскланялись Офимье Александровне
И Настасье Никуличной.
Стречала она таких гостей,
Угощала таких дорогих гостей
350. И подарила гостей милых:
Княгиню подарила косыночкой,
Князя подарила полотенчиком,
А Олешу угостила каленой стрелой.
Говорила при том таковы слова:
«Уходи прочь, кабацкая подпорика,
Отходи от меня табашная заморина.
Чтобы век больше ко мне не подхаживать
И на нашу палату бы не взглядывать».
- Ну, уехали гости у ей
360. С палаты белокаменной, с широка двора.
Приближается времени двенадцать лет,
Не видно Добрыни из чиста поля.
Опять приехал князь,
Опять снова со княгинею
И с Олешей опять Поповичем,
Опять сватать Настасью Никуличну.
Не желает Настасья Никулична
Итти совсем за его во замужество.
Не идет охотою, берут теперь неволею.
370. Просватали Настасью свет Никуличну,
Наладили пир на двенадцать дён,

261

- Обручили Настасью Никуличну с Олешей Поповичем;
И ведут пир двенадцать дён.
В одну пору в одно времячко,
В один единый час
Сидит Добрынюшка Никитьевич
Под кустиком ракитовым
В чистом поле.
Прилетели тут голуб со голубкою
380. Близко к Добрыне Никитичу.
С куста на куст стали перелетывать,
Промежду собой стали возгуркивать:
«Сидишь ты, Добрынюшка Никитьевич,

- Под кустиком ракидовым,
Над собою ты невзгодушки не ведаешь.
Твоя молода жена замуж идет
За Олешу за Поповича.
Развели пир на двенадцать дён,
Конечно, не охотой идет, а взяли ее неволею,
390. Обручили ее с Олешей уж Поповичем».
Разгорелось у Добрынюшки сердеченько,
Расходилась тут сила богатырская,
Скочил скоренько на резвы ноги,
Садился в тот час на добра коня,
Брал во ручку плетку шелкову.
Отправился в тот час со за́ставы,
Удалился из чиста́ поля.
Подъезжал ко Киеву ко городу.
В тую пору, в тое времячко
400. Сидела родитель его маменька
В высоком во злаченоем во тереме,
Сидела под косивчатым окошечком,
Смотрела сквозь хрустальнее стеколышко.
Смотрела далеко во чисто́ поле,
Уронила она слезы горькие:
Вспомнила своего сына ро́дного.
Наглядела она во чистом поли -
Ни черный ворон с поля пурхае,
А едет из чиста́ поля наездничек.
410. Бела одеженька на ем грязнешенька,
Бело личенько чернешенько,
На лошадушке сидит, будто лесовый зверь,
Подъезжал к своему двору широкому.
Без доклада заезжал на широкий двор.

- Ни воротамы заехал широкима,
Скочил через стену городовую,
Слезал скоренько со добра́ коня,
Спустил коня вольня на широкой двор.
Не расседывал коня, не привязывал,
420. Без додоги вошел во палатушку,
Без спросу явился в высок терем,
Становился на грядянь на столовую.
Кресты положил по-писаному,
Поклоны провел по-ученому.
«Здравствуйте, Добрынюшкина маменька,
Пожита вдова Офимья Александровна!

- Я приехал сейчас из чиста́ поля,
Из чиста́ поля приехал сейчас со за́ставы.
Я вам от Добрынюшки поклон привез,
430. А Добрыня в скором времени прибудет к вам.
Тут заплакала Офимья Александровна:
«Не говори ты, незнаем добрый молодец,
Не давай мне великой надзолушки.
Шесть лет, как Добрынюшки живого нет,
А Добрынина молода жена заму́ж идет
За русьского богатыря за Олешу Поповича,
Не охотою идет, конечно, взяли неволею.
Обручили с Олешей Поповичем,
Назначили пир на двенадцать дён,
440. Только я не пошла туда на славный пир».
Говорит он: «Ай же ты, Добрынюшкина мать,
Дай же мне одеженьку Добрынину,
Дай же мне гусельки Добрынины.
Посмотрю пира честного,
Полюбуюсь пиру славного».
Говорит Офимья Александровна:
«Не проси ты, удалый добрый молодец,
Пусть хоть мне гусельшки на погляденьице,
Пусть одежда хоть сына на посмотриеньице.
450. Туды не пропустят тебя незваного,
Везде там караул стоит,
Увезешь только ты моего сыну любимого одеженьку,
Увезешь ты только гусельшки».
«Дашь одежду — возьму, и не дашь — возьму,
Дашь гусельшки — возьму, и не дашь — возьму,
Спустят на пир — пройду, и не спустят — пройду».
Заплакала она горячими слезами.

263

- Принесла ему одеженьку Добрынину,
Принесла гусельшки Добрынины.
460. Снарядился удалый добрый молодец
Во одеженьку Добрынину,
Взял гусельшки Добрынины,
Отправился ко пиру ко честному.
Подошел к воротам к широким —
Там везде да караул стоит.
Говорят ему таковы слова:
«Все гости приглашенные,
Ты один не зван идешь,
Нельзя итти незваному,

470. Нам такое есть приказание». Разгорелось тогда у Добрыни сердечушко, Расходилась сила богатырская, Как начал караул пошаркивать: Куды махнёт — падёт уличка, Перемахнет — падёт переулочек; Которого помахне — рука долой, Какого переверня — голова и ноги долой. Пробрался, наконец, во палатушку И без спросу является во высок терем,
480. Гди ведется славный честный пир. Становился тут на грядень на столовую, Кресты положил по-писаному, А поклоны провел по-ученому На вси на три, на четыре сторонушки. Говорит тут князь стольне-киевской: «Вот вси у нас гости званые, Вот вси у нас гости приглашенные, А один-то к нам гость теперь незван пришел». «Куды посадите — я и там сижу,
490. Что достанется, я и ем да пью». Говорит князь стольне-киевской: «Твое место за печкой за муравой». Встал за печенькой Добрынюшка постаивать, Стал частешенько Добрынюшка посматривать, Говорит Добрыня свет Никитинич: «Позвольте-ка сыграть мне хот раз в яровчата гусельшка?» Стал за печушкой Добрынюшка постаивать, Веселешенько в гусельшки наигрывать, На пиру игра всим понравилась.
500. Стоят ества сахарнии, медвяные, Стоят чары зелена вина налитые, испитые, Говорит княгиня обрученная: «А во едаки во гуселки прежной муж мой играл, Пригласите-ко незнаемого мо́лодца Ко столу его ко чéстному, Пусть садится, где ему место нравится, Угощайте его, как и всих гостей». Говорил князь стольне-киевской: «Выходи, незнаём добрый молодец,
510. Из-за печи с-за муравоей, Садися к столу ко честному,

- Гди тебе место нравится».
«Я желаю сесть насу́против
Княгини обрученной».
«Садись насу́против княгини обрученной».
Наливали ему чару зелена́ вина,
Подносили Добрыне Никитычу.
Он стоял да на резвы́х ногах,
Небольшая была чара, полтора ведра,
520. Брал чару во праву́ руку,
Спускал туда с руки золоче́н перстень,
Спустил в это зелено́ вино.
«Я желаю не пить это чару зелена́ вина,
А поднести княгини обрученной.
Ну вот, пей же, княгиня обрученная,
Пей же чару зелена вина,
Если пьешь до дна, так жадаешь добра,
А не пьешь до дна, не видать тебе стара́ добра».
Взяла княгиня обрученная чару во белы́ руки,
530. Выпила эту чарушку до доньшка,
Увидала там злаче́н персте́нь,
Которым перстнем с Добрыней обручались,
И говорила тогда таковы слава:
«Не тот мой муж, который со мной сидит,
А тот мой муж, который на меня глядит,
А которы буйны́ ветрушки завеяли,
Откуль красное солнышко засияло
На мою на младую головушку,
Чего совсем я теперь не надеялась,
540. Что мой-то муж на сем свете объявится».
Вскочила чере́з столики дубо́вые,
Через яствушки саха́рные,

- И через питья скочила медовяные,
И через чарочки налитые, непитые,
Брала Добрыню за белу́ руку,
Целовала во уста его саха́рные,
Горько-тошно тут она заплакала:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитинич,
Уж ты в этой вины не прощай меня,
550. Уж ты в ртвоей не прощай теперь,
Бери, бери за шелковую плеть,
Уж ты бей меня до смертельных ран».
Говорил Добрыня таковы́ слова:
«Я в этой-то вины прощу тебя,

- Что не охотою идешь, берут неволею,
 А Олешу-то я так не прощу теперь».
 Как хватил Олешу за желты́ кудри,
 Выдерга́л со стола его со честного,
 Как стал по терему Олешеньку потаскивать,
 560. Стал гуселками Олешу поколачивать,
 У Олешеньки уж кости заряжай дали.
 Говорит князь стольне-киевской:
 «Оставь еще хоть ево во живности».
 Спустил Добрыня со белых рук Олешу Поповича,
 Хоть битый Олеша, только смелый был,
 Садился ко столу ко честному,
 Приклонил свою буйну голову,
 Говорит: «Всякой-то на свете поженится,
 Да не всякому женитьба удадается,
 570. А хуже нету Олешу Поповичу,
 Верно столько-то Олешенька женат бывал,
 Верно столько Олешенька и с женой живал».
 Говорит Добрыня свет Никитьевич:
 «Я двенадцать лет выстоял на за́ставе,
 А что понял, только́...
 У жива мужа жену отнял».
 Тут не кланялся Добрыня Никитинич ни князьям,
 Ни бояра́м, ни могучим богатырям,
 Нарушился ихний тут славный пир.
 580. Выходит он тут со палаты белокаменной
 Со своей-то женою с Настасьей Никуличной.
 Увидала родитель его матушка,
 Что идет уж он со своей
 Прежней молодой женой,
 Бежала скоро на́встречу на широк двор

266

- Встречать своих дорогих гостей.
 Взял свою родитель маменьку,
 Хватал он под правую подмышечку,
 Зенес во свой во высок терем.
 590. Стали жить да быть с Настасьей Нику́личной,
 Лучше старого стали жить, лучше прежнего.
 Стали жить да быть да век коротати.

*(Записана в 1932 г. от А. С. Богдановой,
 Сенногубский сельсовет, Заонежского района).*

266